

Самир .

Я не знал что у меня есть права

Самир .

Я не знал что у меня есть права

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73538803

SelfPub; 2026

Аннотация

Это глубокая и пронзительная история взросления, которая начинается не с получения паспорта, а с момента, когда человек впервые отказывается быть жертвой обстоятельств. Главный герой, восемнадцатилетний Дамир – самый обычный парень, который, как и тысячи его сверстников, привык плыть по течению и мириться с несправедливостью, считая её неизбежной частью жизни. Устроившись на свою первую «настоящую» работу на склад, он сталкивается с циничным обманом: отсутствием трудового договора, незаконными штрафами и невыплатой обещанной зарплаты. Эта книга – не сухой юридический справочник, а живое повествование о пути человека от «удушающего бессилия» к осознанию собственной ценности. Благодаря поддержке матери и наставничеству мудрого соседа Андрея, Дамир открывает для себя мир законов не как абстрактных лозунгов, а как реальных инструментов защиты человеческого достоинства.

Самир .

Я не знал что у меня есть права

ТО, ЧТО БЫЛО ПОСЛЕ

Проза одного года

Написано для тех, кто ещё ищет.

То есть – для всех.

Погружение в чтение есть не что иное, как таинство пре-
существования: вы впитываете чужое бытие столь безраздель-
но и упоенно, что границы стираются, и прожитые на страни-
цах мгновения становятся плотью и кровью вашей собствен-
ной судьбы.

Семнадцать лет – тот зыбкий порог, когда само мирозда-
ние вменяет вам в обязанность извечную бдительность. Не
ради какой-то ясной цели, но ради самой готовности встре-
тить неведомое. Быть во всеоружии перед лицом жизни, ко-
торая еще не назвала своего имени.

Я пишу это не потому что должен. Я пишу это потому что

если не напишу – умру. Не буквально, не от болезни, не от пули. Просто умру той смертью, которой умирают люди, носящие внутри себя нечто огромное и так никогда и не выпустившие это наружу. Задыхаются от собственной полноты – от невысказанного, незаписанного, незарождённого. Это, поверь мне, страшнее любой другой смерти. Страшнее той, что с болью и криком. Потому что эта – тихая. Медленная. Почти незаметная. Человек ходит, говорит, ест суп за ужином, смотрит в телефон – а внутри всё меньше воздуха, всё меньше пространства, всё плотнее давит то, чему не дали выйти.

Мне было столько лет, сколько тебе сейчас. Или почти столько. Семнадцать – это возраст, ни к какому берегу пока не приставший. Ты уже не ребёнок, которому можно объяснить мир простыми словами, но ещё не человек в том смысле, в каком люди становятся людьми – с прожитым, с отблещенным, с понятым через боль. Ты что-то между. Личинка чего-то огромного, и это огромное давит на тебя изнутри, распирает, как распирает почку дерево весной – изнутри наружу, с неотвратимой, почти жестокой нежностью. И ты не знаешь, куда себя деть. Злишься – не всегда понимая на что. Плачешь в подушку по ночам – не всегда понимая почему. Строишь в потолок и думаешь: ну почему, почему, почему со мной всё не так, как у других?

Так вот. Я хочу сказать тебе кое-что важное – прямо сейчас, пока ты ещё читаешь, пока не закрыл страницу. У дру-

гих – тоже не так. У всех не так. Это главный секрет человечества, который почему-то не принято говорить вслух. Все думают, что только у них – не так. Что все остальные знают какой-то пароль, держат в кармане какой-то ключ, и только ты один стоишь перед запертой дверью и делаешь вид, что просто вышел подышать. Стоишь в холодных сенях чужого праздника и делаешь вид, что тебе и так хорошо. Что ты выбрал именно это место. Что тебе и не надо внутрь.

Надо.

Всем надо.

Просто никто не говорит об этом вслух.

Его звали Артём.

Нет, подожди. Прежде чем я скажу про Артёма – я хочу сказать про утро. Про то конкретное утро, которое всё изменило. Потому что всё настоящее – начинается с утра. Не с судьбоносных вечеров, не с красивых закатов над рекой, не с торжественных ночей у костра. С обычного серого утра, когда будильник орёт, и ты лежишь с закрытыми глазами и думаешь: ну зачем, зачем вставать, зачем всё это, зачем снова.

Семнадцать лет. Конец октября. За окном – то, что в метеосводках называется «переменная облачность», а на деле является просто серостью, плотной и ватной, такой, будто кто-то накрыл город огромным серым одеялом и ушёл, забыв снять. Батарея в комнате уже включена, но ещё не горячая – просто тёплая, вялая, как запоздалое извинение за прошедшее лето. На полу разбросаны учебники: физика, химия, ис-

тория. История – в особенности: пухлая, потрёпанная, измятая по краям, с закладками из конфетных фантиков. Артём её не любил. Говорил: зачем учить то, что уже случилось? Вот если бы учили тому, что ещё не случилось – это было бы дело. А так – мёртвые события для живых людей. Тыкать пальцем в засохших бабочек.

Мать кричала с кухни: вставай, опоздаешь.

Он знал, что опоздает. Это было предрешено с того самого момента, как он лёг в час ночи – не потому что не хотел спать, а потому что читал. Читал – и это он скрывал от одноклассников, потому что читать в семнадцать лет считалось чем-то старческим, непонятным, подозрительным. Каким-то признанием в слабости. Он читал лёжа на животе, прикрывшись одеялом с фонариком, будто ему десять и он прячется от родителей. Хотя мать уже давно не заходила в его комнату после одиннадцати – у неё была своя усталость. Глубокая, взрослая, та, что накапливается годами незаметно, как накапливается пыль на полках: вроде бы убирала, вроде бы протирала, а оглянешься – опять слой. Артём тогда ещё не понимал этой усталости. Понял позже.

Книга называлась странно. Вернее, называлась – не разобрать. Он нашёл её на рынке, на лотке с ненужными вещами – среди советских термосов с откисшими прокладками, потрёпанных словарей с загнутыми углами, чьих-то детских фотоальбомов с незнакомыми чужими лицами, которые смотрели с пожелтевших карточек с беспечным выра-

жением людей, не знающих, что их разлучат с семьёй, что их фотографию будет рассматривать незнакомый мальчик на октябрьском рынке, думая – кто это вообще, куда они все делись. Обложка книги была выцветшей, буквы – наполовину стёрты временем и чьими-то руками. Он разобрал только часть названия: «...и всё, что было после». Автора не разобрал вообще. Взял – потому что дёшево. Потому что у него в кармане было сто двадцать рублей и надо было как-то прожить до конца недели. Не до стипендии – они были в школе, не в институте – просто родители иногда забывали дать деньги на неделю, а просить было неловко. Не потому что откажут. А потому что тогда надо объяснять, что нет, а объяснять – значит причинять беспокойство, а причинять беспокойство – значит быть виноватым. Лучше уж сто двадцать рублей и старая книга без начала.

Взял потому что на первой странице было написано, крупным, чуть дрожащим шрифтом: «Если ты это читаешь – значит, ты ещё ищешь. Не останавливайся».

Он не остановился.

Утро тянулось так, как умеют тянуться только октябрьские утра, когда не хочется никуда – ни в школу, ни на улицу, ни вообще в существование. Мать ушла на работу в восемь – поцеловала его в лоб холодным, торопливым поцелуем, таким, каким целуют второпях, когда уже думают про автобус и про рабочий день. Отец не жил с ними уже три года, и это давно перестало быть событием – превратилось просто

в факт, в часть интерьера, вроде трещины на потолке в прихожей: знаешь, что она есть, иногда замечаешь краем сознания, но уже не думаешь о ней. Трещина и трещина. Потолок держится.

Школа начиналась в восемь тридцать. В восемь двадцать пять Артём наконец встал. Натянул джинсы, найденные на полу – они пахли вчерашним днём, то есть пахли нормально, потому что вчерашний день был обычным днём, без особых запахов. Серая футболка. Серая куртка. Не потому что он любил серое – просто у него было много серого. Жизнь сама распорядилась цветами его гардероба с той непринуждённой жестокостью, с какой она распоряжается многими вещами: незаметно, постепенно, пока не оглянешься.

Он вышел на улицу – и вдруг остановился.

Прямо на тротуаре, под ногами, лежала книга.

Не та, с рынка, – другая. Новая, почти нетронутая. В хорошей обложке – синей с серебряными буквами, без потёртостей, без следов чужих рук. Он поднял её, посмотрел на название. «Побег из обычного». Автор – имя незнакомое, нерусское, из тех, которые читаешь и тут же забываешь. Открыл наугад, прочёл первое, что попало на глаза: «Самый долгий побег – это побег от самого себя. Самый короткий – это признание: я здесь. Я такой. И это, наконец, можно».

Он стоял на тротуаре. Октябрьский ветер шевелил страницы. Мимо проходили люди – с зонтами, с собаками, с лицами, занятыми своими мыслями, своими маршрутами, сво-

ими трещинами на потолке. Никто не смотрел на него. Никто не смотрел на книгу. Кто-то потерял – и книга лежала, ждала. Его.

Артём опоздал на два урока.

Это было не в первый раз и не в последний.

Но впервые – из-за книги. Стоял у подъезда и читал прямо на улице, прямо под этим серым октябрьским небом, не замечая ни холода, ни времени, ни того, что прохожие иногда бросали на него взгляды – лёгкие, мимолётные взгляды людей, неожиданно увидевших нечто не вполне привычное в привычном месте. Мальчик с книгой у подъезда. Стоит, читает. Октябрь. Что ж, бывает.

В школе его встретила Карина.

Карина – это отдельная история, и к ней надо подходить осторожно, как подходят к чему-то, что имеет значение. Карина была из тех людей, которые занимают пространство сразу и полностью – не физически, не громко, не демонстративно. Иначе. Она входила в комнату – и комната начинала существовать иначе. Как будто до неё стены были просто стенами, а после – стали границей чего-то живого. Артём не был в неё влюблён – или был, но не знал об этом, или знал, но называл другими словами. Называл «мы просто друзья», «мы из одного класса», «мы иногда разговариваем». Иногда – это почти каждый день.

Они разговаривали.

Карина заметила книгу у него под мышкой – не ту, что он

нашёл на улице, а ту, с рынка, которую он зачем-то взял с собой. Она не читала названия, не разглядывала обложку – она просто посмотрела на него тем своим взглядом: чуть прищуренным, светлым, серым, таким, будто она всегда немного прищуривается на мир, проверяя его на правдивость.

– Что это? – Нашёл. – Где? – На улице.

Она взяла книгу, не спрашивая разрешения – как берут то, что имеют право взять. Перелистнула несколько страниц. Прочла что-то. Молчала долго – так долго, что Артём уже собирался сказать что-нибудь просто чтобы заполнить тишину. Но она успела раньше.

– Ты это понял? – спросила она наконец. – Что именно? – Вот это место. – Она показала пальцем. – «Мы не видим себя изнутри. Мы видим только то, что решаем показать другим, и называем это собой».

Артём перечитал. Кивнул.

– Понял. Но не принял. – Почему? – Потому что если мы не видим себя изнутри – тогда кто видит?

Карина закрыла книгу. Отдала ему. Посмотрела в окно – на серую улицу, на мокрый тротуар, на прохожих с зонтами.

– Наверное, никто, – сказала она тихо. – Наверное, поэтому и нужны другие люди. Чтобы кто-то снаружи видел то, что ты сам не видишь.

Это был один из тех разговоров, которые остаются с тобой. Не весь – не каждое слово, не каждую интонацию. Но ощущение от него. Как будто кто-то открыл форточку в ком-

нате, где давно не проветривали, и вошёл воздух – свежий, немного холодный, необходимый.

Уроки шли своим чередом. Математика – уравнения, которые нужно решить, и совершенно неважно, что ты при этом чувствуешь, что у тебя в кармане лежат две незнакомые книги, что тебе хочется читать, а не сводить в столбик иксы и игреки. Биология – митоз и мейоз, деление клеток, и Артём смотрел на схему в учебнике и думал: вот так и мысли делятся – из одной получаются две, из двух – четыре, из четырёх – восемь, и не успеваешь уследить, как уже целый лес мыслей, дремучий, без тропинок, и в нём темно, и непонятно, куда идти, и каждое дерево – отдельный вопрос, на который нет ответа в учебнике.

Учительница литературы – Наталья Вячеславовна – была женщиной лет сорока пяти, с негромким голосом, который, тем не менее, всегда достигал самых дальних парт. Голос звучал так, будто она читает вслух даже когда просто говорит. Читает что-то важное. Она любила паузы – длинные, медленные, почти невыносимые паузы после значительных фраз, такие, что весь класс невольно задерживал дыхание, ожидая продолжения. Ждал, как ждут, когда качели качнутся обратно.

Сегодня она говорила о Достоевском. О том, что он писал про людей, которым плохо. Про людей, которые думают слишком много и слишком глубоко. Про людей, которые не могут просто жить – а всё время спрашивают: зачем, поче-

му, что это значит, что такое вообще жизнь и зачем она мне дана именно такой, а не другой.

– Раскольников, – сказала она и сделала паузу. Класс ждал. – Это не злодей. Это человек, которому было очень одиноко. Одиноко среди людей. Это особый вид одиночества – быть может, самый мучительный. Когда ты окружён людьми – на каждой перемене, за каждым обедом, в каждом шумном коридоре – а внутри тишина. Холодная, пустая тишина, как в заброшенном доме, где когда-то жили.

За окном проехала машина, проскрипело что-то, пролетела птица – большая, тёмная, стремительная, как мысль, которую не успеваешь поймать. Наталья Вячеславовна смотрела на класс – или ему казалось, что на него. Но когда говоришь то, что попадает точно в человека – это неважно, смотришь ты именно на него или нет. Слова всё равно дошли. Как доходит свет – независимо от того, смотрит ли на тебя источник.

Холодная, пустая тишина.

Да. Он знал это. Узнал – как узнают в описании незнакомца собственное лицо.

После уроков они с Кариной шли домой через парк. Это был не самый короткий путь – но самый правильный. Там росли несколько старых елей, которые пахли так, как должна пахнуть жизнь: смолой и хвоей, устойчивостью, тихим достоинством. Под елями всегда было сухо, даже в дождь – под

их густыми тёмно-зелёными шапками земля оставалась тёмной и мягкой, пружинящей под ногами. Они иногда останавливались там – просто постоять, подышать, побыть в месте, где хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.